

Владислав Ходасевич. О пушкинизме

Воспроизводится по изданию:

Тайна Пушкина. Из прозы и публицистики первой (? :-)) эмиграции - М. Эллис Лак, 1998, с. 127-139.

Электронная версия: В. Есаулов, 10 октября 2005 г.

Несмотря на всю свою славу, Пушкин при жизни не был достаточно глубоко оценен даже наиболее проницательными из своих современников. Он был любим и ценен как прекрасный лирик, как непревзойденный мастер стиха и слова – не более. Чаадаев все-таки смотрел сверху вниз на его "изящный гений". Даже Жуковский с высоты своего переводного мистицизма считал его чем-то вроде гениального ребенка. Его истинный удельный вес и его значение далеко не постигались, как сам он, в сущности, не постиг, что такое Гоголь. Это не все: будучи о себе весьма высокого мнения, он все-таки сам себя тоже недооценивал. "Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь", – эти слова вполне можно было бы применить к нему самому.

Он был еще жив, когда в довольно широких кругах читателей и критиков с ним начали сравнивать (и не всегда в его пользу) таких авторов, как Бенедиктов, Кукольник. Уже самая возможность сопоставлять эти имена показывает, до какой степени не понимали, о ком и о чем идет речь. В той или иной степени это непонимание продолжалось около полустолетия. Порой, как у Писарева, оно принимало размеры и формы чудовищные. Лишь после знаменитой речи Достоевского Пушкин открылся не только как "солнце нашей поэзии", но и как пророческое явление. В этом открытии и заключается неоспоримое историческое значение этой речи, весьма оспоримой во многих ее критических частностях. Нисколько не удивительно, что, прослушав ее, люди обнимались и плакали: в ту минуту им дано было новое, необычайно возвышенное и гордое понятие не только о Пушкине, но и обо всей России, и о них самих в том числе.

Именно Достоевский установил, что Пушкин еще не понят, что понимание это есть еще дело будущего. Для понимания Пушкина открылась необходимость его наконец прочесть и изучить. И хоть это никем не было сказано, именно в этот день было предрешено возникновение науки о Пушкине. Однако понадобилось еще лет двадцать, чтобы она обосновалась более или менее прочно. Начало научного, планомерно работающего пушкинизма надобно отнести примерно к концу минувшего – к началу нынешнего столетия.

Чтобы понять писателя, надо его прежде всего правильно прочесть. Весь пушкинизм как область положительного знания и есть не более как вспомогательная дисциплина, стремящаяся обеспечить возможность этого правильного **чтения**, необходимого для **понимания** и ему предшествующего. Самое же понимание, толкование эстетическое и философское, уже выходит за пределы того, что зовется собственно пушкинизмом. Больше того: фактически дело до сих пор складывалось так, что весьма выдающиеся пушкинисты чаще всего оказывались весьма слабы, как только из области изучения текста и биографии переходили они в область оценки и толкования. Их чисто научные заслуги этим, однако ж, нисколько не умаляются.

Чтобы понять писателя, надо его прежде всего правильно прочесть. Для людей неосведомленных эта задача кажется чрезвычайно простой: надобно только взять полное и хорошее издание Пушкина – и читать. В действительности дело обстоит неизмеримо сложнее: во-первых, это "полное и хорошее" издание должно еще быть создано. В последние три десятилетия появился ряд изданий, в той или иной степени приближающихся к "хорошему", но еще весьма далеких от идеала. "Канонического" издания Пушкина не существует – ни в отношении состава, ни в отношении текста. То, что до сих пор в этой области достигнуто, своим существованием обязано именно пушкинизму, но работа, в сущности, только еще начата... Она-то и составляет одну из главнейших задач. Собрать все написанное Пушкиным и отместить все, что ему неправильно приписывается; дать полный и верный текст, освобожденный от опечаток, от цензурных и, так сказать, автоцензурных пропусков, сделанных самим Пушкиным под давлением тех или иных жизненных обстоятельств, от наслоений и поправок, сделанных то друзьями Пушкина, то его первоначальными, а отчасти и последующими издателями, – вот основная задача. На пути к разрешению она наталкивается на великое множество затруднений, отчасти практического, отчасти методологического свойства.